

НЕ ПОМЕРКНЕТ НИКОГДА

С Герою Социалистического Труда писателем Михаилом Николаевичем Алексеевым и его женой Галиной Андреевной мы встретились в Волгограде. Не раз приводила их сюда память сердца...

М. Алексеев был на фронте с первых дней и до последнего часа. Много незаживающих метин оставили в сердце горькие военные дороги. Но Сталинград памятен особенно: по словам писателя, тот, кто выжил в аду тех жесточайших сражений, может считать, что родился заново. Здесь политрук минометной роты М. Алексеев вступил в партию, здесь получил свою первую награду — медаль «За боевые заслуги».

М. Н.: Походил я по окрестностям на южной окраине города и опять нашел свою балочку, где был наш блиндаж, наш КП. Даже яблонька-дичок сохранилась. Три месяца держались мы там под круглосуточным обстрелом.

Летом сорок второго года наша дивизия вела кровопролитные бои в донских степях, но немцы прорвались слева и справа, и мы оказались в окружении. 29 августа получили приказ пробиваться к Сталинграду. Мы не знали еще, что бои идут на подступах к городу.

Шли всю ночь. К рассвету думали, что уже вырвались из «мышловки». Вдруг, что такое? В районе совхоза Зеты, где не было никаких построек, справа и слева виднеются какие-то домики. И только стало чуть-чуть светать, эти «домики» все зашевелились и на нас двинулась лавина танков. С обеих сторон. И тут же откуда ни возьмись бомбардировщики. Расстреливали в упор. Это был кровавый рассвет.

Не такой уж я был стратег, но тут сообразил: чтобы не попасть под самый страшный обстрел, надо мне с моей ротой взять чуть правее и идти под углом к танковой колонне. И действительно, какое-то время мы оставались незамеченными. Но все-таки враг разгадал эту нашу хитрость, и один танк двинулся за нами. Вот он уже рядом. Кажется, всё, погибли. И вдруг молодой боец, минометчик Николай Сараев останавливается и к танку. Подпустил танк совсем близко и метнул гранату. Взрыв был такой сильный, что, когда я поднялся, смотрю, танк дымится, а недалеко лежит Николай Сараев. Ему было девятнадцать. Мы только что приняли его в комсомол...

Вечером того же дня остатки нашей дивизии в районе Бекетовки вышли к Сталинграду, переформировались и к ночи уже снова заняли рубеж недалеко от Лысой горы (она вошла в историю Сталинградской битвы). Вот там до 19 ноября мы и сражались, пока не перешли в наступление. Этот блиндаж я и нашел через столько лет.

Я считаю Сталинград своей второй родиной, хотя сам саратовец.

Для Галины Андреевны Сталинград родной вдвойне: здесь жила до войны, в районе той самой Бекетовки, которую обороняла рота политрука М. Алексеева, отсюда начала свой боевой путь. Было ей семнадцать лет, мечтала стать врачом, а стала фронтовой связисткой.

Г. А.: Когда началась война, с первым же эшелонном добровольцев ушел на фронт мой брат. Меня отправили к отцу, подальше в тыл. Я заканчивала школу, рыла вместе со всеми противотанковые рвы, ухаживала за ранеными. А когда погиб брат, втайне от отца записалась добровольцем на фронт.

Помню, нам сказали: «Ребята, вы призваны на защиту Сталинграда. Согласны?» — «Только туда», — ответили мы.

Ехали мы на фронт примерно месяц. Меня направили в полк связи 64-й армии генерала Шумилова. Из-за этой долгой дороги в самое сталинградское пекло мы не попали. Мы встали в строй, когда немец был уже окружен и наши войска наступали.

С армией Шумилова я прошла связисткой до Молдавии. Здесь меня перевели в 27-ю отдельную танковую бригаду: им требовался хороший связист.

Столько лет прошло, а не могу забыть, только начинается бой, а ты уже передаешь: «Факел-один, факел-два, факел-три...» Вы знаете, что такое позывные «факел»? Это значит, горит танк. Передаешь и думаешь: «А где ребята? Выбрался ли, живы ли?» Вот это самое страшное. Сколько ребят полегло! И все кажется, я потому жива, что это они заслонили меня своей грудью.

М. Н.: Я заметил, что все люди моего поколения, которые участвовали в войне, как-то по-особому смотрят на жизнь, потому что знают, какой ценой она отвоевана. Вот почему они столь жизнестойчивы и в моральном, нравственном отношении. Они знают цену всем ценностям, настоящую цену. Фронтовики — это богатство наше, золотой запас души народа. И хочется, чтобы этот душевный заряд, заряд верности, патриотизма, они смогли передать грядущим поколениям.

— Вы долго воевали в одной и той же армии, шли одними и теми же дорогами войны, на какой же из этих огненных верст довелось вам встретиться?

М. Н.: О, это тот случай, о котором говорят: нарочно не придумаешь!

Г. А.: В общем-то, познакомились мы с Михаилом Николаевичем и поженились после Победы, в Венгрии. Но на дорогах войны мы, как оказалось, встречались.

Помню, на Украине весной, в распутицу, после боя шли мы с девушками втроем по проселочной дороге. Усталые,

голодные, оборванные. Около села Ширяево местные ребята, подростки, хоронили наших погибших бойцов. Только бой прошел. Мы остановились. А тут навстречу два офицера. Подошли, заговорили с нашими девушками. А я отошла в сторонку. Уж больно вид у меня был незавидный, да и зачем мне эти «чужие женихи». Видя, что мы буквально валимся с ног, офицеры договорились с этими местными ребятами, чтобы нас устроили на ночлег, накормили. И мы расстались.

А потом, когда мы уже поженились, Миша и говорит как-то: расскажи мне что-нибудь о себе. И мне почему-то вспомнился тот бой и та дорога на Ширяево. Рассказываю, смотрю на него, а он сидит передо мной такой снежный, внимательный, и я вдруг узнала — да это же один из тех офицеров! Смущалась, покраснела страшно и замолчала: боже, в каком я тогда была виде! А он мне: «Так это ты та самая девочка, что сидела на пенке, отвернувшись?»

Я смущалась еще больше. Говорю, мне так не хотелось, чтобы ты видел меня такой некрасивой. А он, спасибо ему, ответил мне тогда так хорошо: «Ну так вот, если бы я тебя тогда узнал, я бы на тебе женился в первый же день!»

Слушая рассказ Галины Андреевны, я думала о женских образах в творчестве М. Алексеева. Самые проникновенные страницы его книг посвящены женщинам. Помните, как ласково зовут их окружающие: Журавушка, Вишенка, Настенька — «ясне сонечко». Однажды Михаил Николаевич сказал: «Я преклоняюсь перед подвигом наших женщин — и тех, которые вынесли на себе все тяготы войны в тылу, кормили фронт и растили детей, и тех, которые были рядом с нами под пулями. Мы еще не написали о них тех прекрасных поэм, которые они заслужили».

— Михаил Николаевич, ваши первые книги были о людях, с которыми вы прошли через кровавую круговерть военных лет. «Солдаты», «Дивизионка», «Наследники», многие военные рассказы вместили в себя и боль утрат, и радость побед. Потом читатель полюбил героев ваших «мирных» книг — «Вишневого омута», «Ивушка не плакучей», «Драчунов» и других. Словом, тема военная отошла на задний план, хотя багряный ответ великого пожарный видится и в них. Критики даже зачислили вас в «деревенщики». И вот теперь вы снова обращаетесь к подвигу народному, пишете книгу о Сталинградской битве. О чем вам хотелось бы поведать сегодня людям?

М. Н.: Да, Сталинградская битва — уже история. Целое поколение успело вырасти и возмужать после нее. Зачем же сегодня вновь обращаться к ней, хотите сказать вы.

Надо полагать, когда писатель погружается в глубины истории, он ищет там нечто важное для современников, решает проблемы живые. Вообще я очень не люблю, когда

разрывают единую цепь: произведения исторические противопоставляют книгам, написанным на так называемую злободневную тему. Цепь эта непрерывная. Если мы решим, что современно и важно для нас лишь то, что происходит в последнее десятилетие, а остальное — прошлое, история, она не очень-то нужна, то мы совершим преступление перед самими собой. Потому что можно народ сокрушить, растоптать силой оружия, а можно взять хитрее и проще — лишнить его исторической памяти. И тогда это уже будет не народ, а быдло, его можно брать голыми руками.

Так что давайте не будем отказывать книгам историческим в формировании нынешнего человека. Тем более когда речь идет о Великой Отечественной войне — о беспримерном и бессмертном подвиге народном.

Наше поколение, завершая свой жизненный путь, думает о своих детях, о внуках. Какими они будут, такой будет и жизнь. Поэтому мы должны передать поколениям, что идут нам на смену, свой нравственный опыт. И прежде всего беспримерный в истории по своей высочайшей духовности опыт минувшей войны. Я хотел бы рассказать о героизме советского солдата, о его душе так, чтобы читатели поняли главное — что дало нам силы выстоять, поняли истоки героизма нашего народа.

Нередко, описывая человека на войне, мы воспеваем его стойкость, мужество, героизм. Но ведь кто-то готовил его к этому рубежу. Кто-то выстраивал эту духовную крепость заранее. Говорят, подвиг — это венец жизни. Хочется проследить, как человек пришел к этому венцу. Поэтому, приступив к роману о Сталинградской битве, я счел необходимым сначала написать автобиографический роман «Драчуны», который сюжетно не связан с моей будущей книгой, но внутреннее единство тут есть. Мне хотелось показать, как росло наше поколение. Кто и как возводил в нашей душе такую крепость, что, несмотря на все трудности и порою даже драматизм нашей жизни (ведь в начале тридцатых годов у Советской власти не было возможности нас как следует обустроить, одеть и даже досыта накормить, а тут еще голод тридцать третьего года), — так вот, несмотря на все это, наше поколение оказалось способным на высочайший подвиг под Сталинградом.

Мы были полураздетые и полуголодные, но мы были бесконечно счастливы. Потому что беспредельно верили в святость нашего дела. В наших сердцах была возведена такая духовная крепость, о которую разбилось страшное фашистское нашествие.

Вот, мне кажется, эту-то крепость мы, прошедшие войну, пока живем и действуем, должны возводить в душе нынешнего поколения.

— За прошедшие десятилетия у нас создано много книг о Великой Отечественной войне. Казалось бы, на-

писано очень много, и тем не менее в последние годы появился целый ряд новых, весьма значительных произведений. К писателям, прошедшим войну, присоединяются те, кто знает ее лишь по рассказам и фильмам. Как вам представляется дальнейшее развитие военной прозы?

М. Н.: Книжки о войне — это часть великой памяти народной. И пока жива наша память, будут появляться все новые произведения, и интерес к ним не иссякнет. Тема народного подвига неисчерпаема.

Г. А.: Мы живем в тревожное время. Думаю не одни мы, ветераны, многие матери на земле повторяют как заклинание: «Только бы не было войны». Если мир забудет уроки прошлого, трагедия может разыграться снова. Книжки о Великой войне напоминают нам об этом. Поэтому они нужны людям.

М. Н.: Думаю, что литература о войне будет в дальнейшем развиваться и вглубь, и вширь. Писатели из окопа добрались уже до Ставки Главнокомандующего, описывают операции крупномасштабные. В то же время разработка военной темы идет вглубь — авторы все дальше погружаются в психологию воюющего народа.

Отрадно, что в последнее время заметны успехи в художественном освоении наиболее сложных, драматических явлений прошедшей войны. К этим темам обращаться нужно. Я считаю, что запретных тем для советского писателя не было и не должно быть. Если он наш убежденный идейный боец, он не допустит никакого перекося. А ограничь его флажками, как это делают некоторые критики, — вот тут ходи, ищи и исследуй, а дальше ни шагу, — и литература кончится.

Говоря об успехах военной прозы последних лет, я совсем не хочу, чтобы меня поняли так, будто во время войны и после нее не было создано замечательных произведений ярчайшей. Ведь до уровня «Василия Теркина» никто еще не поднялся и не скоро, видимо, дойдет. Под Сталинградом в самые тяжкие минуты я никаких политических бесед не проводил, а придет очередная глава «Василия Теркина», я прочту ее бойцам, и дополнительные слова не нужны. Какие еще нужны слова, когда здесь в каждой строчке правда. И как она была нужна солдату! Вот вам, пожалуйста, никакую историческую дистанцию не понадобилось писателю, чтобы написать настоящую правду, если это истинный художник, если он сразу включился сердцем в народную судьбу. Вот так и создаются произведения великие.

— А вам какой видится ваша линия дальнейшего художественного освоения военной темы — вширь или вглубь?

М. Н.: Для меня самое интересное и самое важное — душа простого солдата. Это была воистину народная война, и Сталинградская битва — это победа народного духа прежде всего. Вот это я и должен показать. Так что мне с моими героями очень много придется быть в окопах, на переднем крае, где я и был с ними всегда.

Если я осилю книгу о Сталинградской битве, я буду самым счастливым человеком на свете, потому что исполню главное.

Беседу вела
Н. ЛОШКАРЕВА.